

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ РАССКАЗОВ СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Яковлева Т.Б.¹

¹ ФГБОУ ОГУ «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия (460018, г. Оренбург, проспект Победы, 13), e-mail: post@mail.osu.ru; tb-yakovleva@yandex.ru

В статье предпринята попытка целостного анализа рассказов С. Васильевой с целью выявления характерных особенностей поэтики, которые выделяют ее произведения из потока современной женской прозы. Эстетика постмодернизма предполагает своеобразный эксперимент со словами и образами. В этом еще одна из особенностей рассказов С. Васильевой. Она объединяет в единое целое множество деталей, отдельных штрихов и целых образов, перемешивает временные плоскости, речевые стили, а внутри всего этого скрывает очень глубокий смысл и общечеловеческие проблемы. В статье обосновывается, что внутренний ритм повествования в прозе писательницы усиливается и держит в напряжении читателя благодаря глубокому психологизму образов и ситуаций; смещению временных и пространственных границ, придающему особый эпический смысл содержанию; приему «мерцающего смысла», использованию символических образов и многообразию приемов характерологии в решении авторского идейного замысла.

Ключевые слова: эстетика постмодернизма, женская проза, скрытый смысл, временные плоскости, смешение стилей.

TO THE QUESTION OF POETICS STORIES SVETLANA VASILYEVA

Yakovleva T.B.¹

¹ Federal STATE budgetary educational institution OGU Orenburg State University, Orenburg, (460018, Orenburg, Victory Avenue, 13), e-mail: post@mail.osu.ru; candidate of philological Sciences, associate Professor in the Department of FINRA, e-mail: tb-yakovleva@yandex.ru

The article attempts a holistic analysis of the narrations S. Vasilyeva, with the aim of identifying the characteristics of the poetics that distinguish her works from the stream of contemporary women's prose. The aesthetics of postmodernism implies a kind of experiment with words and images. This is still one of the peculiarities of short stories by S. Vasilyeva. It consolidates a lot of details, individual touches and entire images, mixes the temporal plane, speech styles, and all of this hides a very deep and universal sense of the problem. The article explains that the inner rhythm of the narration in the prose of the writer intensifies and keeps in suspense the reader through the deep psychology of characters and situations; the displacement of the temporal and spatial boundaries, giving special epic meaning to the content; receiving shimmering sense", the use of symbolic images and the variety of character in the solution of the author's ideological plan.

Keywords: the aesthetics of postmodernism, women's prose, hidden meaning, temporary plane, the mix of styles.

Творчество Светланы Васильевой, что уже очевидно, можно рассматривать с точки зрения воплощения характерной тенденции современной русской литературы (причем не только женской прозы), которая заключается в синтезе определенных черт реализма, модернизма и постмодернизма. Жанр современного рассказа объективно требует от автора особой динамики развития сюжетного действия и характерной ритмичной организации словесного материала, интригующего начала в самой ткани повествования и т.д. Все это мы наблюдаем в художественной манере С. Васильевой. На наш взгляд, внутренний ритм повествования в прозе писательницы усиливается и держит в напряжении читателя благодаря глубокому психологизму образов и ситуаций; смещению временных и пространственных границ, придающему особый эпический смысл содержанию; приему «мерцающего смысла», использованию символических образов и многообразию приемов характерологии в решении

авторского идейного замысла. Отметим сразу, что основными приемами раскрытия характеров героев являются деталь и подробность. Важно, что за ними не размывается идейная нагрузка образов и ситуаций.

Под общим названием «Фактически ангел» автор объединила три маленьких рассказа: «Цыганское лето», «Роза-Рая» и «Фактически ангел». Первое знакомство с текстом происходит очень легко, как-то даже празднично, а потом попадаешь в состояние ступора – и ч е г о не понимаешь. Вроде бы все просто, язык очень свежий, чистый, живой... А до смысла приходится *добираться*. Наверное, именно в этом и заключается своеобразие поэтики С. Васильевой, выделяющее ее произведения из потока современной женской прозы. Эстетика постмодернизма предполагает своеобразный эксперимент со словами и образами. В этом еще одна особенность. Она объединяет в единое целое множество деталей, отдельных штрихов и целых образов, перемешивает временные плоскости, речевые стили, а внутри всего этого скрывает очень глубокий смысл и общечеловеческие проблемы.

Эпическое пространство ее рассказов, хотя и привязано к каким-то конкретным географическим названиям и деталям быта настоящего времени, на самом деле гораздо шире. Оно как бы *безграничное, незамкнутое*. И это все потому, что проблематика ее рассказов относится к общечеловеческому и вечному.

Уже в экспозиции рассказа «Цыганское лето» задается философский пафос всего повествования. Автор рисует образ осени и стаи птиц. Это можно назвать уже классическим приемом в литературе, но в данном случае он воспринимается как-то по-особенному. Герой пытается уловить какой-то скрытый смысл, он «силился прочитывать» в «исчезающих кадрах» что-то... Он и сам не очень понимал, ч т о, но чувствовал во всем какие-то з н а к и. И зависающие паузы, «как при обрыве пленки», – все как-то беспокоило его и «определенно настраивало на философский лад»... А уже следующий абзац предстает как фрагмент другой действительности. Меняется и язык повествования, и настроение. «Третий с нейтральным видом вел машину, явно не желая быть участником подобных ауспиций. Да и какие гадания на животных и птицах, когда жизнь явно вступила в фазу исполнения желаний “all included”. Все включено и оплачено» [1].

Все как-то очень по-современному, не имеющее ничего общего с философскими раздумьями о «залпе прощального салюта» осени. Дальше нанизывается следующий фрагмент, рисующий образ героя рассказа. Автор не называет его имени – это не главное. Все очень легко и просто. «А о чем, собственно, было жалеть гостю страны, если вся эта поездка вообще напоминала бег без препятствий? Сел и поехал, вернее, полетел. Благо, он давно мечтал побывать в здешних местах, еще со времен зрелого социализма. Благо, и дело нашлось: написать материал для туристического буклета одной представительной компании, к делам и финансам которой он имел непосредственное отношение. Да и погода стояла отличная: середина октября, “цыганское лето”. Цели поездки не были строго регламентированы: международные дружеские связи, живое виноградное вино и – как конечный пункт – древнейший высокогорный монастырь. По всему маршруту – виноградники и бредущие вдоль дороги ослики с тележками и без» [1].

И замечательная погода, и ослики вдоль дороги – всё создает безмятежный и идиллический образ. И пока просто *упомянут* конечный пункт поездки – «древнейший высокогорный монастырь». Дальше – короткая пейзажная зарисовка, где и «живописный горизонт», и «бесконечный хребет» и т.д. Следующий же фрагмент как бы уже выламывается из этой идиллии. Автор продолжает добавлять штрихи к образам своих героев. И здесь она опять перемешивает все стили: и научную лексику, и разговорную, и латынь, и жаргон, и сленг. Наверное, именно так и представляет реальную действительность С. Васильева. Сюда же органично вплетается древняя легенда об обычаях янычар. А в этом, совершенно очевидно, прослеживается уже связь времен и разных культур... Разговор плавно выходит на определение человека, его сущности. И опять автор использует научную лексику. «Все мы рождаемся двухправополушарными, – продолжал он развивать какую-то свою мысль. – Однако под воздействием языка левое полушарие перепрофилирует свои функции. Происходит, так сказать, функциональное преобразование материи...» [1].

Мысленно герой переносится в прошлое, в памяти оживают картинки из далекого детства... «Ему вдруг остро вспомнились родные места, горы и виноградники. Тифлис, так навсегда и оставшийся для него Тбилиси, как для петербуржцев доньше остается Ленинград с обстреливаемой стороной улицы и ладожским льдом. ... Хорошее было время. И даже если черти в аду станут пытаться: признайся, на самом-то деле времечко было позорное, полное двуличия и скверны, – все равно он скажет, что хорошее» [1]. И даже образ кошки воспринимается как «сосуд вечности». Вспомнилась герою и история, как он *не стал* писателем. Этот эпизод, на наш взгляд, кажется наиболее значительным. Наверное, неслучайно С. Васильева пишет здесь о том, что еще мальчиком он понял одну важную вещь. Создавая свое первое произведение, он старался делать все «как надо»: «Все это должно

было двигаться от начала к концу, пока он не решился и не шлепнул точку. Сочинение вышло искренним, но когда он прочел его маме, та отвела глаза и сказала, что, пожалуй, все это не слишком интересно» [1]. В результате он понимает, что это *скучно*. Это все *подобие* чего-то, а не сама суть. В жизни все гораздо сложнее, ярче. И, как бы усиливая эту мысль, С. Васильева включает в повествование еще и научные определения творчества: «Содержание – всего лишь “строевой лес”, материя. К примеру, вода выступает как “форма” по отношению к земле, но как “материя” – по отношению к воздуху. Переход от потенциальной возможности вещи к ее актуальной действительности – энергия или энтелехия. В схоластике у Фомы Аквинского и “энергия”, и “энтелехия” переводятся одним словом: акт» [1]. И в результате герой «позже, переехав в столицу нашей Родины, уже студентом философского факультета размышляя о познаваемости вещей, он старался избегать не только слова “искренность”, но и слова “реализм”. ... Сплошь искренними были его воспоминания о детстве, которое он теперь видел в мельчайших подробностях, бесконечно испытывая ту же любовь, ту же бессильную нежность, тот же страх потери» [1].

Причем искренними были только воспоминания о детстве. Эта сквозная мысль проходит через все три рассказа и несет особый смысл и значение. Иначе незачем строить Город Солнца, мечтать о будущем. Люди разучились верить друг другу и друг в друга, в людей, в счастье... Молодой монах в настоящем райском саду рассказывает героям про здешнюю реликвию – икону «Божьей Матери Вратарницы». Легенда потрясает словами: «Не надо меня охранять – я сама буду охранять и любить вас...». Сильный психологический эффект производит то, что герой видит связь слез иконы с событиями своей собственной жизни. Автор усиливает реализм рассказа следующим фрагментом, где добавляются штрихи реальной бытовой действительности. А «цыганское лето» в Болгарии – это наше «бабье»! И снова мы отмечаем внутреннюю связь между целыми народами и их культурами. И провода у них на дачах тоже крадут... Это все жизнь, но не *это* главное. Главное – это уметь отдавать самого себя, свою любовь, свою душу. В рассказе «Роза – Рая» автор продолжает размышлять об истинных человеческих ценностях, о смысле жизни, о дружбе, о счастье женщины. Все это Светлана Васильева делает мастерски, даже изящно на примере изображения огромного количества бытовых деталей. На наш взгляд, здесь следует отметить, что идейный замысел не размывается в мелких подробностях, а, напротив, только усиливается. «Лицо женщины изменяют не только прожитые годы, но и новые очки. Эту бесспорную истину, проглоченную в качестве легкой начинки якобы серьезного ток-шоу, она примеряла к себе каждый божий день. Присоединяя к сумме диоптрий что-нибудь столь же существенное. Оплаченные отечественным эквивалентом условных денежных единиц шарфик, сережки, бусики... порой даже костюм или платье. Неважно, где это было куплено, в дорогом бутике или на рынке.

“Красиво не то, что красиво, а то, что стильно”, – любили повторять в ее окружении» [1]. В начале повествования складывается образ героини, живущей под девизом Скарлетт: «Я не буду думать об этом сегодня...». Мы застаем ее в тот момент, когда она собирается заняться уборкой квартиры. Все разгромлено, разбросано. Все, что еще вчера казалось таким милым и уютным: «Каждый предмет находился на своей положенной орбите. Но не геометрия была тут царицей, вправившей мозги извилистому модерну и мистике ар нуво. Царствовала струящаяся женственная материя какого-то доисторического сна, с вытканными по его подолу розовыми зарослями и райскими лилиями» [1], а сейчас уже дом не казался ей крепостью, она даже не верила в возможность счастливой жизни... И снова С. Васильева включает фрагмент из предсказаний Нострадамуса о второй коже, которую изобретут к 2018 году. Эта кожа защитит человека ото всех вредных воздействий окружающей среды. Для героини этой кожей был ее дом. А сейчас все разрушено. Обычная семейная ссора – и теперь уже кажется, что все кончилось. И ничего больше не будет. Она чувствует себя незаслуженно обиженной, оскорбленной, всеми забытой. Никому нет до нее дела. У соседей наверху своя жизнь, свои песни. А она размазывает слезы, вспоминая «былые завтраки на двоих». Письма от ее подруг только расстроили еще больше. В конверте – сияющий глянец фотографий и ни одного словечка. Она почувствовала себя всеми брошенной. Чужая жизнь, которой не хотелось даже завидовать! А свое счастье казалось разрушенным уже навсегда... Попыталась вспомнить песню из далекого детства (опять образ детства!), которую они пели втроем, – и не смогла...

А следующий фрагмент рассказа – это уже размышления о том, как бессмысленны могут быть слова людей по сравнению со звуками хищников, поступки человека и поведение животных. Ее оглушил вопрос: «Кто же она сама в таком случае? Есфирь? Живущая в шатрах Вавилонии. Султанша... Облеклась в одежды славы, любви и скорби и пала лицом своим перед властителем. И исполнился сон, и две враждующих змеи сокрушили одна другую, а малый источник ее любви сделался рекой. И был свет, и было солнце, и было множество воды... Река Есфирь, спасшая свой народ» [1]. И вспомнилось ей, как муж рассказывал однажды о чудотворной иконе, что видел в одной из своих поездок... С. Васильева показывает, что происходит в героине, как она меняется. «Во время одной из поездок он будто бы видел чудотворную икону, которая сказала людям: НЕ НАДО МЕНЯ ЛЮБИТЬ – Я САМА ВАС ЛЮБЛЮ. ВЗОШЛА И ВИСЕЛА НАД ВРАТАМИ. ЯВИЛАСЬ В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ. НЕ ДАВАЛА К СЕБЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ. ПЛЫЛА ПО ВОДЕ ОГНЕННЫМ СТОЛПОМ. СПАСЛАСЬ. УПЛЫЛА К ДРУГИМ БЕРЕГАМ... Сама должна любить – сама, сама, сама. – А ты, а ты, а ты?» [1]. Надо уметь отдавать, уметь любить, жалеть, помнить. Вот что делает человека человеком, что делает человека счастливым... И

главное, что утверждает Светлана Васильева, *это* заложено в каждом от рождения. Дети – это ангелы, спустившиеся с неба. Только наша реальность такова, что они не могут здесь существовать. Следующий фрагмент посвящен этой нашей реальности. Автор пишет, что тема детства «вообще стала чрезвычайно актуальна; приводятся страшные цифры беспризорных, брошенных, несчастных детей, не умеющих читать и писать...». Вот еще одна цитата, которая усиливает достоверность звучания всего рассказа: «Что же касается человека, давшего импульс моему рассказу, то он уходит, уходит в свое необратимое взрослое время, чтобы никогда больше не появиться на этих страницах, и я провожаю его приход и расход приветственными криками: браво! жив, жив, курилка!» [1].

Мальчика звали Петр. Краснощекий, ясноглазый, носил форму курсанта кадетского корпуса! Автор с иронией рассказывает, как мальчик был переведен сюда из «школы с особым уклоном». «Словом, был взят курс на возрождение». Писательница только чуть-чуть касается проблем образования. Сегодня все слишком поверхностно, «перпендикулярно и параллельно, а еще сиренево». Запас слов беднеет. «У современного человека словарный запас от силы пятьсот слов, а у вас и того меньше. Хотя... – Сергеич пожевал краешек бороды. – Может, это и к лучшему. Человеку, знающему только пятьсот слов, гораздо легче приспособиться в чужой среде. Ему все равно, где и как себя описывать – на родине или на чужбине. А вот по-настоящему культурный человек, братцы, слишком национален, чтоб описывать себя чужим языком...» [1]. Это сегодня очень расхожая мысль. А курсанты обсуждали и проблемы мировой литературы, изучали английский, японский и корейский, и даже репетировали к Новому году сценку на иностранном языке. Петру была доверена главная роль – Ангела. «Но кто есть ангел? Мальчик даже представить себе этого не мог. Можно было спросить у тети – та ходила в храм и потом с чувством рассказывала про серафимов-херувимов, упоминая какой-то «Аминь», который, как правило, означал для Пети конец его баловству и глупостям» [1]. И опять смешиваются две реальности. Знакомство мальчика с таинственным Ангелом произойдет в очень конкретной земной обстановке! Следующий фрагмент текста рисует бытовую реальность – предновогодний рынок. «Все тут происходило нескладно и дружно», чувствуется особый ритм времени, дыхание самой жизни! Как в калейдоскопе, сумки, улыбки, ругань, бараньи рога, пьяный бомж у мусорных баков, факельное шествие... Все, как в метельном вихре. Внимание Пети привлек маленький побирушка. Этот эпизод перевернул все представления о том, что уже давно казалось известным и даже привычным. Мы уже привыкли видеть попрошайек на улицах. Герой рассказа *вдруг* видит глаза мальчика. «Но из глаз попрошайки вдруг что-то пролилось – не слезы... какая-то ослепительная, влажная боль, прямо нечеловеческая. Люди так никогда открыто не смотрят, стесняются...» [1]. Самое страшное, что эту боль его заставила

испытать родная мать... Он даже представил себе, как спустя годы *она* будет раскаиваться... Потрясенный, Петя начинает молиться неожиданно для самого себя... Причем он не просто молится, он просит Бога за этого *незнакомого* мальчика: «Господи, взмолился он, спаси этого мальчика, пусть глазам его не будет больно! Может, он действительно плохой, но спаси его сейчас... Ну пожалуйста!..» [1]. Это очень искренний детский крик души!

Следующий фрагмент рассказа – авторское размышление о счастье. Оно такое же хрупкое, как лопнувший на морозе шарик. Это очень емкая метафора. И опять все очень зыбко и хрупко. Целый абзац символических образов рисует мир, который очень легко разрушить. «Он уже где-то когда-то слышал этот звук-щелкунчик, звук-кружение с тысячью звенящих колокольчиков, снежинок, цветов, огоньков... зима, весна, лето, осень... никто никогда любить тебя очень... солнце луна дождик снег... никто никогда тебя больше всех... знает лишь снег откуда зачем... никто никогда навсегда всем... Но тут дохнуло огнем – и он понял: все, конец цветам!» [1]. И в этот момент, когда все рушится, Петя осознает себя Ангелом. В полубессознательном состоянии он *вновь проживает* свою детскую жизнь, очень по-детски объясняет, когда стал *человеком*... Следом происходит сцена, наполненная глубоким символическим смыслом. Возможно, это одна из главных сцен всей маленькой трилогии – семейный ужин. Еще было далеко до Рождества, но из духовки просачивался сладкий дух яблочного пирога, был накрыт стол по-праздничному. Как-то особенно уютно и *надежно* чувствовал себя Петя дома (это не китайская ваза с пустотой внутри. «Роза – Рая»). И мама как-то очень точно почувствовала его настроение и поддержала игру. Она поняла, как для мальчика важно услышать сейчас именно эти слова! «Все продолжалось ровно столько, сколько нужно для того, чтобы тело человека вплотную приблизилось к истоку жизни, а не к ее исходу и само стало в чистом виде телом жизни, а не телом смерти, и звук счастья звенел где-то высоко-высоко, как в летний полдень, и зло было непоправимо, а значит, совершенно не нужно, и свет не утрачивался каждый раз, как это обычно происходит с уходом из мира хоть одного живого существа» [1].

В этом и есть, наверное, главный смысл не только этих рассказов, но и всей жизни. С. Васильева утверждает вечную истину: люби других, сумей почувствовать чужую боль и чужое счастье, сумей открыть свою душу. Мы определяем это как *сквозной мотив* всех рассказов. Каждый из нас когда-то был Ангелом, когда пришел в этот мир, а наш мир таким, какой он есть, сделали мы сами. А значит, только от нас зависит, каким он будет завтра. Об этом заставляет задуматься Светлана Васильева своего читателя. Маленькие рассказы поднимают очень важные проблемы нашей жизни. Важно то, что думают обо всем случившемся герои, какие уроки они, а вместе с ними и читатель, выносят, какова авторская позиция по отношению к своим героям. Анализ текстов показывает, что автор не оставляет за

собой позиции стороннего наблюдателя – она *внутри* происходящего, она всегда оценочна; автор верит, что в разламывающейся современной действительности еще существуют добрые начала...

Список литературы

1. Васильева С.А. Фактически ангел // Октябрь. - 2008. - № 3.
2. Васильева С.А. Пир в Замоскворечье. Маленькие комедии о свойствах человеческого организма. – Свердловск, 1991.
3. Габриэлян Н. Ева – это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. - 1996. - № 4.
4. Лейдерман Н.Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. – 2002. – № 4.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. В трех книгах. – М., 2001. - Кн. 3. - 342 с.
5. Черняк М.А. Женский почерк в современной прозе. Современная русская литература. – М. : Форум, 2010. – 352 с.

Рецензенты:

Пыхтина Ю.Г., д.фил.н, доцент, зав. кафедрой русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, г. Оренбург;
Скибин С.М., д.фил.н, профессор, зав. кафедрой литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург.